

Сергей Патрушев

**Сайт
ЗНАКОМСТВ**

Сергей Патрушев

Сайт знакомств

<https://litres.ru/73952223>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ироничная, пронзительная и глубокая история о поиске любви в эпоху цифрового одиночества. Главная героиня, ослепительная блондинка Ева, молода, успешна, богата и катастрофически одинока. Отчаявшись встретить достойного мужчину в реальной жизни, она регистрируется на сайте знакомств и попадает в бездну, населённую персонажами, один комичнее и трагичнее другого: тут и мастера банальных «Привет, как дела?», и любители унылых подкатов, и харизматичные мачо на ржавых «девятках», и скуфы, и маменькины сынки, и нищеброды, ищущие спонсора. Каждая новая глава — это ступень погружения в абсурдный и беспощадный мир онлайн-дейтинга.

Отчаявшись найти идеал, Ева бросается в крайности: заводит роман со скучным миллионером, влюбляется в яркого, но ветреного тусовщика и едва не теряет себя в пучине алкогольной зависимости.

Сергей Патрушев

Сайт знакомств

Глава 1: Энтропия внимания

Ева сидела, поджав под себя ноги, в огромном кресле, обитом тёмно-синим велюром, которое она в шутку называла «командным центром». Ноутбук, источающий едва уловимое тепло, стоял на коленях, экран был приглушён до комфортного желтоватого оттенка, а единственным источником света в комнате служил торшер, отбрасывающий длинные, успокаивающие тени. В квартире пахло заваренным жасминовым чаем и старой книгой в кожаном переплёте, которую она читала перед тем, как совершить роковую ошибку и открыть этот сайт. Тишина была плотной, почти осязаемой, и в этой тишине особенно громко пульсировал курсор в строке поиска.

Этот ритуал она совершала каждый вечер уже три недели, и каждый раз он заканчивался одним и тем же: чувством глухого разочарования, смешанного с какой-то интеллектуальной клаустрофобией. Её профиль был составлен безупречно, с той долей самоиронии, которая, по идее, должна была отсеивать совсем уж примитивных индивидов. На главном фото красовалась та самая блондинка с глазами цвета бал-

тийского льда, которая, казалось, только что отвлеклась от чтения сложной научной статьи, чтобы взглянуть на зрителя с лёгким, ободряющим вызовом. Но алгоритмы безжалостны: они бросали её анкету в топ, как бросают сверкающую наживку в мутный пруд, кишасий голодными, но слепыми рыбами.

Сегодняшний улов ничем не отличался от вчерашнего. Пятьдесят два новых сообщения. Ева сделала глоток остывшего чая и, мысленно приоткрывшись к худшему, развернула вкладку с диалогами. Это был не просто список фраз, это была клиническая картина вырождения разговорного жанра, своего рода лингвистическая канализация, куда стекались отходы человеческого неумения общаться.

Базовый минимум, с которого начиналось это дно, был вездесущ и неистребим, как плесень. «Привет». «Прив». «Хай». «Здарова». Они сыпались в чат с монотонностью капающей воды, каждое сообщение было точной копией предыдущего, лишённой не только индивидуальности, но и каких-либо признаков мыслительного процесса за ним. Ева представляла себе этих парней: они сидят, уставившись в экран телефона, и большой палец автоматически, пока мозг занят перевариванием пиццы или видеоигры, нажимает на шаблонное приветствие. Это был язык пещерных людей эпохи цифрового неолита, где сам факт отправки сигнала уже

считался актом величайшей коммуникативной смелости. Зачем напрягаться и что-то придумывать, если можно просто бросить своё «Привет» в пространство и ждать, пока на него клюнет какая-нибудь непритязательная рыбка? Ева не была непритязательной. Она была хищницей, которая охотилась за смыслом, а не за пустыми междометиями.

Но, как она уже выяснила, существовал и другой уровень. Он был не лучше, он был, пожалуй, ещё хуже в своей лицемерной банальности. Роскошный максимум. Вершина ухаживаний, доступная лучшим из лучших на этом сайте, тем, кто прочитал где-то краем уха, что девушкам нужно задавать вопросы. И этот максимум звучал как приговор: «Привет, как дела?». Сначала Еву это злило, потом забавляло, а теперь вызывало лишь тупую, ноющую боль где-то в районе переносицы. «Как дела?» — это же надо было додуматься. Этот вопрос был настолько универсальным и безликим, что его можно было задать кому угодно: старой бабушке у подъезда, коллеге в лифте, сантехнику, пришедшему чинить кран. В нём не было ни грамма романтического интереса, ни капли личного обращения. Это была клишированная фраза-пустышка, за которой не следовало ничего, кроме такого же пустого, дежурного ответа.

Она открыла диалог с парнем, который написал этот самый максимум. Его звали Антон, судя по анкете — мене-

джер, 29 лет, фото в рубашке поло на фоне торгового центра. «Привет, как дела?» — гласило его сообщение, отправленное ровно в 19:00, в час пик мужской активности на сайте. Ева смотрела на эти три слова и чувствовала, как в ней закипает раздражение, смешанное с исследовательским азартом. Что он хочет услышать? Что у неё всё «нормально»? Что она «на позитиве»? Неужели он и правда считает, что этого достаточно, чтобы заинтересовать взрослую, красивую, ироничную женщину, которая явно потратила время на заполнение своей анкеты? Он что, думает, что она годами ждала именно его, менеджера Антона, чтобы поведать ему о том, как прошёл её день? Это было оскорбительно. Не ей лично, а самому понятию интеллекта. Он не хотел знать, как у неё дела. Он просто нажал стандартную кнопку, как в лифте нажимают «первый этаж», надеясь, что механизм сработает и двери откроются в спальню.

Она пролистывала дальше, и ужас нарастал. «Привет, красотка, как настроение?» — писал следующий кандидат, парень с фотографией в спортзале, где он напрягал бицепс так, будто пытался раздавить им невидимого врага. «Настроение?» — мысленно переспросила Ева. — «Ты хочешь поговорить о моём настроении? Ты видишь, что у меня в любимых книгах — Маркес и Алексиевич? Ты хочешь, чтобы я ответила, что моё настроение колеблется между экзистенциальной тоской и ужасом от того, что я вижу в этом чате?».

Он бы не понял. Для него «настроение» — это был такой же пустой ярлык, как и «дела». Он ждал ответа «хорошее»)), и на этом его миссия по завоеванию была бы выполнена.

Ева перевернула ноутбук на подлокотник и уставилась в потолок. Капец. Это был именно он, тот самый капец, который не описать цензурными словами. Она, девушка с внешностью эльфийской принцессы, как любил шутить её отец, и с внутренним миром, полным сложных конструкций и острых углов, оказалась в полном вакууме. Сайт знакомств казался ей гигантской фабрикой по производству безликой серости. Здесь не было личностей. Были аватары с одинаковыми описаниями: «активный отдых», «спортзал», «люблю путешествовать», «с чувством юмора». И каждый второй считал своим долгом добавить: «не люблю ложь и предательство», как будто это было каким-то уникальным качеством, а не базовой настройкой психики здорового человека. Кто, чёрт возьми, любит ложь и предательство? Есть ли на планете человек, который с радостной улыбкой ищет в партнёре патологического лжеца и предателя?

Её анкета была другой. Она писала её честно и зло. «Не пиши мне "привет" и "как дела". Сразу предлагай тему. Если тебе нечего предложить, кроме дежурной фразы, мы не сойдёмся даже в лифте». Но никто не читал. Картинка, как выяснилось, перевешивала любой текст. Они видели блондин-

ку с голубыми глазами и отключали остатки мозга, бросаясь в бой с одним лишь «Привет» в обойме. Ей казалось, что она — единственный грамотный человек на тонущем корабле, который пытается достучаться до экипажа, объясняя, что спасательные шлюпки не резиновые, а вокруг только крики «Здорова!» и «Ты супер, давай общаться!».

Самым страшным было даже не отсутствие оригинальности, а полное, тотальное отсутствие контекста. Они не видели в ней собеседника. Они видели функцию, объект, цель, которую нужно поразить короткой, как им казалось, убойной фразой. Ева представила, как эти же самые парни, наверное, ходят по музеям и, глядя на «Джоконду», спрашивают: «Привет, как твои дела?», потому что просто не знают другого языка. Их словарный запас для флирта был катастрофически мал и сводился к набору из пяти-шести фраз, которые они переставляли местами, как кубики, искренне веря, что «Хай, красотка, чем занимаешься?» — это комплимент и проявление высшего интереса.

Она закрыла ноутбук с громким, раздражённым щелчком. Тишина в комнате снова стала абсолютной, и только теперь Ева поняла, как сильно давил на барабанные перепонки этот безмолвный шум пустых, бессмысленных сообщений. За окном шумел вечерний город, люди спешили домой, и, возможно, кто-то из них, кто-то умный, смешной и глубокий,

сейчас точно так же, как она, сидел перед экраном и приходил в ужас от бесконечных «Приветиков». Но их разделяла стена из алгоритмов и миллионов анкет, написанных под копирку.

Первая глава её знакомства с миром онлайн-дейтинга подходила к концу, и она была катастрофически, пугающе пуста. Ни одного интересного собеседника. Ни одного проблеска мысли. Только бескрайнее море энтропии внимания, где любая сложная идея стремится к примитивному «прив». Ева чувствовала себя последним носителем редкого, вымирающего языка в стране, где все резко разучились говорить и общаются на уровне междометий. Ужас заключался в осознании того, что этот «роскошный максимум», это жалкое «как дела», было для них не стартом, а финишем. Им было просто нечего добавить. Их воображение не простиралось дальше стандартной анкеты в соцсети, а душа, если она и была, спокойно дремала под мерный стук пальцев, выводящих на клавиатуре главный гимн цифровой эпохи: «Привет. Как дела?».

Глава 2: Хроники унылого каламбура

Вторая неделя на сайте знакомств ознаменовалась тем, что Ева перестала вздрагивать от уведомлений. Звук входящего сообщения больше не вызывал в ней ни надежды, ни

даже любопытства — только тихую, обречённую резиньяцию, с какой опытный патологоанатом встречает очередное тело на секционном столе. Она знала: сейчас будет больно. Не физически, конечно. Боль была другого рода — метафизическая, культурная, та особая разновидность страдания, которую испытывает человек с развитым вкусом, вынужденный потреблять продукт, созданный для вкусовых рецепторов, атрофированных до состояния полной недееспособности.

Но эволюция, как учил Дарвин, не стоит на месте. Даже в этом болоте застоявшейся посредственности наметился некоторый, едва уловимый прогресс. Примитивные одноклеточные «Привет» и «Как дела» начали мутировать, отращивать себе примитивные конечности и делать первые, неуклюжие попытки встать на две ноги. Парни, очевидно, прочитали где-то в интернете — возможно, в том же паб-лике, где советовали спрашивать про дела, — что девушек нужно веселить. Что смех — это ключ к женскому сердцу. Что юмор — это валюта, на которую можно купить если не любовь, то хотя бы ответное сообщение. И они ринулись в бой. Они вооружились шутками.

Это был прогресс, да. Но прогресс, от которого Еве хотелось не смеяться, а тихо сползти под стол и никогда больше не возвращаться в мир онлайн-знакомств. Потому что это

был грустный прогресс. Это был прогресс человека, который научился добывать огонь, но использует его исключительно для того, чтобы поджигать собственные штаны.

Всё началось во вторник. Ева пила утренний кофе, просматривая накопившиеся за ночь сообщения, и наткнулась на первое. Парень с ником «Алексей_1988» и фотографией, на которой он стоял в обнимку с гигантской плюшевой пандой, написал: «Девушка, вы случайно не с неба упали? Потому что вы выглядите как ангел, который забыл крылья в химчистке». Ева моргнула. Перечитала. Отставила чашку в сторону, потому что пить кофе и читать такое одновременно было просто опасно для её клавиатуры. Это была шутка. Осознанная, сконструированная, явно найденная на каком-то пыльном форуме 2007 года шутка, которую он, видимо, счёл вершиной остроумия. «Забыл крылья в химчистке». Бог ты мой. Значит, ангелы теперь пользуются химчисткой. Интересно, они сдают крылья вместе с нимбом или нимб стирают отдельно, в деликатном режиме? Ева не знала, плакать ей или смеяться. Парень явно старался. Он преодолел базовый минимум, он не написал «Привет», он попытался выделиться из серой массы безликих приветственников. И за это, наверное, ему можно было выдать медаль за попытку. Но цена этой попытки была настолько удручающе низка, что Ева почувствовала почти материнскую жалость, смешанную с глубоким экзистенциальным отчаянием.

Следом за ангелом из прачечной пришёл второй, с ником «Санёк_Весельчак». Его сообщение гласило: «Привет! Чем занимаешься? Я вот сижу на работе, смотрю на твои фотки и понимаю, что мой монитор никогда не был таким горячим. Ты случайно не пожарный? Потому что от тебя всё вокруг воспламеняется!». Ева огляделась по сторонам, как будто искала скрытую камеру. Это не могло быть правдой. «Ты случайно не пожарный?» — спрашивал у неё взрослый мужчина, судя по анкете, тридцати двух лет от роду, инженер-строитель. Он что, реально считает, что это смешно? Он надеется, что она прочитает это и её сердце растает, как масло на раскалённой сковородке? Что она воскликнет: «О, боже, Санёк, какая оригинальная метафора, я вся горю, приезжай немедленно, у меня тут небольшое возгорание в районе четвёртого ребра слева!»?

Она представила себе этого Санька. Он, наверное, очень гордился собой, когда печатал это сообщение. Наверняка даже хихикнул про себя, потирая руки от удовольствия. «Ну всё, — думал он, — эта блондинка никуда не денется. Я не какой-то там лох, который просто пишет "привет". Я — мастер пикапа, я использую юмор». И он отправил эту заезженную, пошлую, абсолютно плоскую конструкцию, даже не подозревая, что она была бородатой ещё в те времена, когда сайты знакомств существовали только в виде газетных объ-

явлений.

Но это были ещё цветочки. Ягодки, как водится, созрели к вечеру. Ева вернулась с работы, приняла душ, налила бокал вина и с мрачной решимостью исследователя, спускающегося в Марианскую впадину, открыла диалоги. Там её ждал Он. Король тупых шуток. Император пошлого каламбура. Верховный жрец ордена «Сейчас я её уболтаю». Его звали Дима, и его сообщение вошло в историю её личных кошмаров. Он написал длинный, старательно выстроенный текст, явно скопированный из какого-то сборника «100 лучших подкастов», и звучал он так: «Привет, красавица! Я тут прочитал твою анкету и понял, что мы созданы друг для друга. Ты — как Википедия, потому что в тебе есть всё, что я искал. А я — как Гугл, потому что я искал тебя везде. Давай устроим встречу, на которой я буду твоим браузером, а ты — моей домашней страницей. Обещаю, никаких всплывающих окон и вирусов, только полная совместимость и высокоскоростной интернет чувств».

Ева допила бокал одним глотком. Это было... искусство. В каком-то извращённом, декадентском смысле это был шедевр. Шедевр нелепости, воздвигнутый на фундаменте из компьютерных метафор, которые были актуальны лет пятнадцать назад. «Никаких вирусов» — он гарантирует ей безопасное соединение. Как это, чёрт возьми, романтично. Она

представила себе их первое свидание: он сидит напротив и шёпотом, интимно так, сообщает, что у него «высокоскоростной интернет чувств» и что он «никогда не зависает». Она бы, наверное, встала и вышла прямо через окно, даже не открывая его. Дима явно считал себя невероятным оригиналом. Он, в отличие от предыдущих, не просто выдал дежурный комплимент — он развернул целую аллегорию, целую экосистему, где она — Википедия, кладезь знаний, а он — Гугл, великий искатель. Но проблема была в том, что Ева не хотела быть Википедией. Википедию может открыть кто угодно, и любой может внести в неё правки. А она хотела быть закрытой, редкой книгой в библиотечном спецхране, доступ к которой получают только по специальному разрешению и после долгого собеседования.

Эти шутки были похожи на старые, застиранные носки, которые им выдали на складе мужских приёмчиков ещё в старших классах, и с тех пор они их бережно хранили и надевали по особым случаям. Ни одной свежей мысли. Ни одного спонтанного, родившегося здесь и сейчас остроумного замечания. Всё это было унылое, вторичное, вымученное. Они не шутили — они транслировали шутки. Это была не попытка рассмешить её, а попытка нажать на нужную кнопку, следуя инструкции: «Если нажать кнопку ЮМОР, женщина отреагирует позитивно». Но кнопка была сломана, а инструкция давно устарела.

Ева закрыла ноутбук и долго смотрела на своё отражение в тёмном экране. Прогресс, безусловно, был. От «Привет» они эволюционировали до «Ты — Википедия, я — Гугл». Это был путь от амёбы до, скажем, дождевого червя. Вроде бы уже есть какие-то системы, какая-то сегментация, но до появления мозга, а тем более — души, было ещё миллион лет эволюции. И самое грустное заключалось в том, что они были искренне убеждены в своём остроумии. Они не хотели её обидеть. Они старались. Они реально думали, что эти унылые каламбуры и бородатые подкаты — это именно то, чего ждёт красивая девушка, сидящая в одиночестве с бокалом вина. Они думали, что она мечтает о высокоскоростном интернете чувств. А она мечтала о том, чтобы однажды — хотя бы один раз — кто-то написал ей что-то, от чего она засмеётся не над ним, а вместе с ним. Но пока что её смех был горьким, а прогресс, увы, только печалил.

Глава 3: Эффект девятки

Где-то на исходе третьей недели отчаяния алгоритмы сайта, видимо, устав от её молчаливого презрения, решили пойти ва-банк и совершили непредвиденный кульбит. Они перестали подсовывать ей менеджеров в рубашках поло и любителей высокоскоростного интернета чувств. Вместо них в ленту рекомендаций начали просачиваться совершенно

иные экземпляры. Словно кто-то в небесной канцелярии переключил тумблер с режима «Офисный планктон» на режим «Опасные связи». Именно тогда Ева впервые увидела Егора.

На фотографии он стоял, облокотившись на выдавшую виды «девятку» цвета мокрого асфальта. Не на чужой спорткар, взятый напрокат у более успешного друга. Не на фоне нейтральной стены в студийной фотосессии. А на свою, родную, с характерной трещиной на бампере и тонировкой, за которой угадывались салонные коврики с подозрительными разводами. Егор был одет в спортивный костюм, который сидел на нём с той особой, небрежной грацией, какая бывает только у парней, не проводящих часы перед зеркалом в попытках составить идеальный лук. Он не позировал. Он просто стоял, щурясь на солнце, и в этом прищуре читалась такая спокойная, животная уверенность в себе, что Ева на мгновение забыла о своей обычной язвительности.

Она кликнула на его анкету. «Егор, 27 лет, работаю там, где платят, отдыхаю там, где играет музыка». В графе «любимые книги» значилось прочерк, в графе «жизненное кредо» — короткое «живу по понятиям», и почему-то именно это сочетание прямолинейной простоты и отсутствия претензий зацепило её больше, чем все вычурные описания предыдущих кандидатов. Он не строил из себя интеллектуала. Он был честен в своей непритязательности. И его первое сооб-

щение, в отличие от сотен других, не вызвало у неё желания удалить аккаунт.

«Слушай, я тут сижу, чай пью, смотрю на твою фотку и думаю: либо ты правда красивая, либо у меня в чай что-то подмешано. Давай знакомиться, пока я ещё адекватный, а то чай заканчивается». Это было нахально. Это было примитивно. Но, чёрт возьми, это было хоть немного живым. Он не копировал это из интернета, он не использовал заезженные метафоры про ангелов и крылья. Он просто писал то, что приходило ему в голову, и в этом была своя, абсолютно безыскусная харизма. Ева поймала себя на том, что улыбается. Не кривится в саркастической усмешке, а именно улыбается, как дурочка, разглядывая экран монитора. Это было что-то новенькое.

За Егором последовали другие. Словно прорвало какую-то невидимую плотину, и на Еву хлынул поток парней с фотографиями, сделанными на фоне приседающих «девяти», «четырок» и изредка — как вершина роскоши — подержанных «Приор». Их мир был ей совершенно незнаком. Это была вселенная районных пабликов, дворовых посиделок и клубов с незамысловатыми названиями вроде «Малибу» или «Пирамида», где по выходным гремел тяжёлый бас и пахло сладкими коктейлями и дешёвым парфюмом. Они танцевали, снимая это на видео для своих сторис, и в их дви-

жениях была та раскованная, даже несколько вызывающая пластика, которая так разительно контрастировала с зажатостью офисных сотрудников. Они не знали, кто такой Бродский. Они не читали Маркеса. Их культурный код сводился к строчкам из песен, игравших в их машинах, к цитатам из фильмов про братву и к тем самым коротким, хлёстким фразам, которыми они перебрасывались в комментариях под мемами. Но при этом они обладали тем, чего были начисто лишены все предыдущие претенденты: животным обаянием, первобытным магнетизмом, который действовал на каком-то досознательном, биологическом уровне.

Они писали ей с той самой дерзостью, которая граничит с хамством, но каким-то чудом не переходит эту грань. «Красотка, ты так выглядишь, что я свою девятку на тебя перепишу, только улыбнись». «Слушай, а ты в клубах бываешь? У нас тут в субботу тема будет, я тебя в вип проведу, там такие движухи». «Эй, блонди, у меня для тебя место в тачке есть, рядом с водителем, климат-контроль отсутствует, зато я душевный». Они не спрашивали, чем она увлекается и какой у неё знак зодиака. Они не пытались выстроить интеллектуальный диалог. Они просто излучали какую-то пацанскую, непосредственную энергию, и впервые за долгое время Ева почувствовала, что с ней разговаривают живые, настоящие люди, а не ходячие анкеты с шаблонными ответами. Она отвечала им. Сначала односложно, потом всё более развёрну-

то. Она даже поймала себя на том, что ждёт сообщения от Егора, который накануне вечером рассказывал ей, как они с пацанами ездили на ночную рыбалку и чуть не утопили машину в прибрежном иле, и делал он это так уморительно, с таким искренним, неподдельным юмором, что она хохотала в голос, сидя одна в своей уютной, наполненной книгами и жасминовым чаем квартире. Это был смех не над ним, а вместе с ним. Тот самый смех, которого она так ждала.

Но, как известно, у любой медали есть две стороны, и оборотная сторона этой дворовой романтики предстала перед ней довольно быстро. Это случилось в пятницу вечером. Ева собиралась ложиться спать, когда пришло голосовое сообщение от одного из новых знакомых, парня по имени Стас, обладателя самой громкой «четырки» в своём районе и, судя по видео, абсолютно безбашенной манеры танцевать под любой бит. Она нажала на воспроизведение и услышала оглушительный грохот музыки, поверх которого Стас, срывая голос, кричал: «Ева, ты где? Мы тут в "Пирамиде" зажигаем, я тебя жду, приезжай, тут такая тема, все свои, Вован шампанское проставил, Андрюха опять с каким-то хмырём подрался, короче, движуха, ты многое теряешь!».

И вот тут, в тишине своей спальни, под мирное тиканье настенных часов, Ева вдруг отчётливо, кристально ясно осознала пропасть, которая лежала между ней и этими парня-

ми. Она представила себе эту «Пирамиду». Душный, прокуренный зал, мигающий светомузыкой, липкий от пролитого алкоголя пол, грохочущий бас, от которого вибрируют внутренности, и толпу танцующих девушек в ультракоротких платьях, и парней, которые курят прямо в помещении, стряхивая пепел на пол. Она представила себе Вована с шампанским, которое, скорее всего, стоит триста рублей за бутылку. Представила Андрюху, который дерётся с каким-то хмырём, и разбитые носы, и выяснение отношений на крыльце, и запах дешёвого одеколona, смешанный с запахом пота и сигарет. Она представила себя там. Она, Ева, с её любовью к итальянскому неореализму, с её коллекцией виниловых пластинок, с её привычкой к долгим, неспешным разговорам под хорошее вино, стоит посреди этого грохота, оглушённая, растерянная, и пытается понять, зачем она сюда пришла и что здесь делает.

Её разум, её хвалёный, аналитический ум, который она так долго тренировала на сложных текстах и интеллектуальных дискуссиях, отчётливо зафиксировал сигнал тревоги. Эти парни были харизматичны. Они были живыми. Они были по-своему честными и настоящими. Но они были из другого мира. Из мира, где интеллект не является ценностью, где разговор о литературе вызывает недоумение, а главным мерилom успеха служит громкость выхлопа и количество выпитого алкоголя. Ей нравилось с ними переписываться. Ей

правились их дерзость, их простота, их способность не грузиться по пустякам. Но она отчётливо понимала: эти люди не подходят для отношений. То, что казалось таким привлекательным в переписке, в реальной жизни превратилось бы в кошмар. Она не сможет слушать бесконечные истории про то, кто кому «занизил таз» и «прошил мозги». Она не сможет провести вечер в клубе, где на неё будут пялиться пьяные Вованы и Андрюхи. Она не сможет ездить на свидание на тонированной «девятке», из динамиков которой орёт шансон.

Это был самый жестокий, самый коварный удар, который только мог нанести ей этот сайт. Сначала он мучил её скукой, потом раздражал тупыми шутками, а теперь он показал ей проблеск жизни, заставил её почувствовать себя желанной и заинтересованной, но лишь для того, чтобы с издёвкой продемонстрировать: вот, смотри, тут есть настоящие эмоции, тут есть харизма, тут есть люди, с которыми можно смеяться от души. Но они тебе не подходят. Ты для них слишком умная. А они для тебя — слишком простые. И между вами лежит такая же непреодолимая пропасть, как и между тобой и серыми менеджерами, только теперь эта пропасть обманчиво прикрыта яркой мишурой харизмы и блеском стробоскопов.

Ева отложила телефон и снова уставилась в потолок. Прогресс был налицо. От «Привет» к «Красотка, садись в тач-

ку». От унылых офисных шуток к искреннему, живому юмору. Но прогресс этот был горьким на вкус, как дешёвое шампанское из «Пирамиды». Потому что впервые за всё время она поняла: можно быть живым, настоящим, харизматичным, но при этом бесконечно, катастрофически не её. И от этого понимания становилось ещё тоскливее, чем от всех предыдущих разочарований.

Глава 4: Парад планет

После короткого, но эмоционально выматывающего флирта с районными мачо на тонированных девятках, Ева решила взять паузу. Три дня она принципиально не заходила в приложение, занимаясь пересадкой фикуса, пересмотром фильмов Вуди Аллена и прочей деятельностью, призванной убедить её в том, что жизнь без сайта знакомств вполне себе приятна и самодостаточна. Но вечер четверга, дождливый и тоскливый, снова толкнул её к ноутбуку. Ей было скучно. Ей было одиноко. И ей, чёрт возьми, было интересно, что там, в этом бесконечном аквариуме с мутной водой.

Аквариум не подвёл. За время её отсутствия там, судя по всему, прошёл нерест, и на свет божий всплыли новые, неизвестные ранее науке формы жизни. Первое сообщение, которое она открыла, пришло от мужчины, чей ник звучал как псевдоним пенсионера-рецидивиста: "Валера_77". На фото-

графии был запечатлён человек, чей возраст определить с точностью до десятилетия не представлялось возможным. Ему могло быть и тридцать пять, и пятьдесят, потому что лицо его, круглое и какое-то расплывчатое, хранило на себе печать долгих лет самоотверженной борьбы с гравитацией. Борьбу он, судя по всему, проигрывал. Щёки плавно переходили в шею, шея — в плечи, облачённые в растянутую серую футболку неопределённого цвета, а вся его фигура, запечатлённая на фоне кухонного гарнитура времён поздней перестройки, дышала такой вселенской усталостью и безнадёгой, что Еве на мгновение стало физически нехорошо.

Сообщение Валеры гласило: "Здрасти. А вы готовить умеете? А то я борщ люблю, а готовить не умею. И носки штопать тоже не умею. Мне нужна хозяйственная женщина, не такая, как эти все фифы. Вы на фифу не похожи, у вас лицо доброе". Ева перечитала это трижды, каждый раз открывая и закрывая рот, как выброшенная на берег рыба. Она не знала, что её оскорбило больше: то, что её оценили как потенциально не-фифу, то, что у неё "доброе лицо" — это прозвучало как приговор, — или то, что взрослый мужчина ищет не спутницу жизни, а комбайн по производству борщей и реставрации носков. Валера представлял собой тот самый классический типаж, который интернет-культура окрестила ёмким словом "скуф". Ей казалось, что скуфы — это миф, интернет-мем, страшилка для девушек, но нет, вот он, жи-

вой и настоящий, сидит в своей квартире с ковром на стене и мечтает о женщине, которая будет стирать, готовить и, вероятно, по вечерам чесать ему спинку, пока он смотрит политические ток-шоу.

Ева быстро удалила диалог и перешла к следующему, надеясь, что хуже уже не будет. Она ошибалась. Следующим в списке значился Роман, 31 год. На фото был симпатичный, даже миловидный юноша с прилизанными русыми волосами и какой-то чересчур аккуратной, выглаженной рубашкой. Он стоял в обнимку с женщиной лет шестидесяти, и подпись гласила: "Это я с мамулей в Египте. Она у меня самая лучшая, прошу любить и жаловать". Ева насторожилась, но любопытство пересилило, и она открыла сообщение. Оно было длинным, настолько длинным, что пришлось прокручивать. Роман писал: "Здравствуйте, Ева. Я прочитал вашу анкету, и мамуля тоже прочитала. Вы нам очень понравились, только мамуля говорит, что вы слишком ярко краситесь для приличной девушки и что у вас платье слишком открытое на третьем фото. Но в целом вы ничего. Расскажите, пожалуйста, о ваших кулинарных предпочтениях и о том, как вы относитесь к тому, что мужчина живёт с мамой. Мамуля говорит, что современные девушки этого не понимают, а зря. Мамуля — это святое. Мы с ней живём душа в душу уже тридцать один год, и я не собираюсь её бросать ради какой-то юбки. Но если вы готовы стать частью нашей семьи, уважать

мамулю и слушаться её советов по ведению хозяйства, то мы могли бы попробовать".

Ева почувствовала, как у неё начинает дёргаться глаз. Не фигурально, а буквально, мелкой противной дрожью. Это был не мужчина. Это был ручной зверёк, который всю жизнь провёл под крылом у мамы и теперь искал не жену, а дополнительную служанку в дом. Он так и писал — "мы с мамулей", будто они были единым организмом, неким симбиотическим существом, которое ест, спит и оценивает анкеты девушек на сайтах знакомств. "Мы с мамулей решили". "Мама говорит". "Мама не одобряет". Он даже слово "юбка" использовал в уничижительном смысле, явно повторяя лексикон матери, которая, очевидно, считала всех женщин, кроме себя, опасными хищницами, покушающимися на её ненаглядного сыночка. Ева представила себе свидание с Романом. Они сидят втроем в ресторане: она, Роман и мама в качестве обязательного сопровождающего. Мама пробует еду из её тарелки и выносит вердикт: слишком солёно. Мама спрашивает, умеет ли она гладить стрелки на брюках её мальчика. Мама интересуется, когда она планирует рожать и готова ли отдать ребёнка на воспитание маме, потому что "современные матери ничего не умеют". Ева содрогнулась и перекрестилась, хотя была атеисткой. Это было страшнее любого фильма ужасов.

Третьим на очереди оказался персонаж, чьё сообщение начиналось с фразы: "Привет. Займи пятьсот рублей до пятницы, очень надо, я отдам честно". Ева моргнула и перечитала. Нет, ей не показалось. Парень по имени Костя, с фотографией, на которой он сидел на корточках в каком-то подозрительном подъезде, реально просил у неё денег в долг в первом же сообщении. Дальше он пояснял, что ему не хватает на подарок маме на день рождения, что он хороший парень и что если она поможет, то он "отслужит", и это "отслужит" прозвучало настолько двусмысленно и мерзко, что Ева непроизвольно отдернула руки от клавиатуры. За ним следовал его духовный брат, который предлагал ей сходить в кино, но с условием, что она купит билеты, потому что у него "зарплата только через две недели, а так-то он угощает". Ещё один, с гордым ником "Антигламур", написал ей целую лекцию о том, что все бабы меркантильные твари и ищут только богатых, а он, хоть и живёт в общаге и работает грузчиком, зато у него душа богатая, и вообще "не в деньгах счастье, а ты сама-то на что живёшь, папик содержит, наверное?".

Это был какой-то карнавал нищевродства, помноженного на обиду на весь мир. Они не просто были бедны материально — это было бы не страшно и не зазорно, — они были нищи духом, нищи умом, нищи элементарным чувством такта и самоуважения. Они врывались в её диалоги с какой-то агрессивной требовательностью, словно она, красивая ухо-

женная блондинка, была обязана им всем по гроб жизни просто за то, что они снизошли до неё своим вниманием. Они требовали денег, требовали жалости, требовали немедленного признания их глубокого внутреннего мира, скрытого под слоем дешёвого пива и многолетней немой обиды. Костя с его пятьюстами рублями до пятницы. Роман с его вездесущей мамулей. Валера с его кулинарно-носочными запросами. Все они слились в один чудовищный хоровод, который кружился вокруг Евы, распевая гимн мужской несостоятельности во всех её проявлениях.

Весь этот вечер оставил после себя стойкое ощущение, что она заглянула в какую-то клоаку, о существовании которой даже не подозревала в своей уютной, обставленной книгами и хорошим вкусом жизни. Она видела скуфов, маменькиных сынков и откровенных попрошаек, и каждый из них, казалось, жил в своей собственной реальности, где женщина — это утилитарная функция, обслуживающий персонал или, на худой конец, банкомат. Никто из них не видел в ней человека. Они видели в ней решение своих проблем: голода, одиночества, нехватки денег или неспособности оторваться от материнской юбки. И от этого становилось не просто грустно, а по-настоящему, до дрожи, жутко. Ева закрыла ноутбук и долго сидела в темноте, слушая, как дождь барабанит по подоконнику, и думая о том, что где-то там, в параллельной вселенной, вероятно, существуют нормальные мужчины. Но

в этой вселенной сайт знакомств превратился для неё в парад планет, где каждая орбита была населена новым, ещё более удручающим видом.

Глава 5: Собрание сочувствующих

После «Парада планет», как Ева мысленно окрестила череду скуфов, маменькиных сынков и нищелюбов, ей потребовалась срочная эмоциональная реанимация. Она чувствовала себя исследователем, который слишком долго пробыл в пещере с летучими мышами и теперь отчаянно нуждался в солнечном свете и глотке свежего воздуха. Этим воздухом должны были стать её подруги.

Инициативу взяла на себя Лера, которая прислала в общий чат короткое и не терпящее возражений сообщение: «Так, девочки, экстренный сбор. Ева, судя по твоим односложным ответам последние три дня, ты либо в депрессии, либо влюбилась в маньяка. И то, и другое лечится вином и нами. В пятницу, у меня, в семь. Кто не придёт, того я лично запишу в предатели женского рода». Возражений не последовало. Катя прислала стикер с кивающим котом. Алиса, вечно занятая на своих бесконечных съёмках, неожиданно ответила, что будет, потому что у неё как раз случился очередной «эпизод с мудаком», и она тоже нуждается в коллективной терапии.

В пятницу вечером они собрались в гостиной Леры, которая больше напоминала будуар французской куртизанки, чем квартиру скромного графического дизайнера. Бархатные подушки, приглушённый свет от десятка свечей, три бутылки красного вина на журнальном столике и огромный плед, под которым они уместились втроём, потому что Алиса, как обычно, заняла собой большую часть дивана, вытянув длинные ноги в дорогих чулках. Атмосфера располагала к откровенности, граничащей с исповедью.

— Ну, — Лера наполнила бокалы с щедростью человека, который понимает серьёзность момента, — рассказывай. Мы готовы. Что там у тебя за сайт, который отнял у нас нашу язвительную блондинку и вернул вместо неё бледную тень?

Ева сделала большой глоток, почувствовала, как тепло разливается по телу, и начала. Она рассказывала долго, в красках и лицах. Она описала базовый минимум — бесконечные «Привет», от которых у неё начинался нервный тик. Она процитировала роскошный максимум — «Привет, как дела?», — и девочки синхронно застонали, как зрители в театре, наблюдающие за трагедией. Она поведала о тупых шутках, о парне, который сравнил её с Википедией, и о другом, обещавшем высокоскоростной интернет чувств. Тут Лера поперхнулась вином, а Катя начала истерически хохотать,

уткнувшись лицом в подушку.

— Подожди, подожди, — Алиса выставила вперёд руку с идеальным маникюром, — он реально сказал «интернет чувств»? Он что, роутер? Он будет раздавать тебе вайфай любви?

— Он обещал никаких вирусов, — мрачно добавила Ева, и это добило всех окончательно. Комната наполнилась смехом, тем самым, очищающим, почти истерическим хохотом, который бывает только у женщин, понимающих друг друга без слов.

Когда приступ веселья утих, Ева перешла к следующему акту своей драмы. Она рассказала про парней на девятках, про Егора, который обещал переписать на неё машину, про Стаса и «Пирамиду», про то, как она почти купилась на их харизму, но вовремя одумалась. И вот тут смех начал приобретать оттенок горестного узнавания. Катя, которая всегда была самой рассудительной из них, покивала головой с видом человека, прошедшего через все круги ада онлайн-знакомств.

— О да, — сказала она, отпивая вино. — Сладкие мальчики с района. Они — как фастфуд. Вкусно, дёшево, вызывает привыкание, но потом у тебя несварение и чувство, что

ты предала все свои принципы. Я как-то месяц встречалась с диджеем из Кунцево, и это был лучший и худший месяц в моей жизни. Он называл меня «моя тёлка», дарил розы, украденные с чужих клумб, и искренне считал, что свидание в «Макдональдсе» — это верх романтики. Я ушла, когда он предложил мне поехать на выходные в Анапу на его «семёрке» и жить в палатке.

Ева с облегчением выдохнула. Она была не одна. Она не была снобом и не была слишком придирчивой. Просто существовала целая категория мужчин, с которыми у неё, у Кати, у любой думающей женщины не могло быть ничего общего. Затем она перешла к последней, самой болезненной части — к скуфам, маменькиным сынкам и нищелюдам. Она рассказала про Валеру и борщ, про Романа и его мамулю, которая читает анкеты и выносит вердикты, и про Костю, которому нужно пятьсот рублей до пятницы.

— И вот тут я поняла, — закончила Ева, глядя в свой почти пустой бокал, — что это даже не смешно. Это страшно. Потому что их — сотни. Тысячи. Они сидят там и реально ждут, что кто-то придёт и решит их проблемы. И они считают, что это нормально. Что так и должны строиться отношения. Один заявил мне, что я слишком много о себе думаю, раз не хочу с ним идти в кино за свой счёт, потому что «у него душа богатая». Богатая душа, девочки. Которая просит

в долг.

Лера, которая слушала молча, с каким-то странным выражением лица, наконец заговорила. Голос её звучал непривычно серьёзно, почти торжественно.

— Ева, послушай меня, — она подалась вперёд и взяла подругу за руку. — Я просидела на этих сайтах три года. Три Гребаных. Года. Я пережила всё, что ты описываешь, и даже больше. Я пережила женатика, который забыл снять обручальное кольцо перед свиданием. Я пережила парня, который на первом свидании показал мне фото своей коллекции оружия и сказал, что у него «есть подвал, в котором он отдыхает душой». Я пережила того, кто рыдал мне в жилетку из-за бывшей, а потом предложил занять ему денег на алименты. Поэтому я скажу тебе то, что ты должна услышать, зарубить себе на носу и повторять как мантру. Сайт знакомств — это бездна.

Она сделала паузу, давая слову повиснуть в воздухе.

— Не место. Не инструмент. Не способ. Это именно бездна. Тёмная, бесконечная, засасывающая. Ты заходишь туда с надеждой, что где-то там, на дне, лежит сокровище. И иногда ты даже видишь какой-то блеск. Ты ныряешь за ним, погружаешься всё глубже, и в какой-то момент понимаешь,

что блеск был либо осколком битой бутылки, либо чьей-то золотой коронкой, выбитой в драке. А вокруг — тьма и холод. И странные тени, которые пишут тебе «Привет, как дела?» голосом Ктулху.

Алиса, которая обычно отмахивалась от подобных тем, предпочитая разговоры о работе и искусстве, вдруг тихо добавила:

— Лера права. Я тоже там была, недолго, но хватило. Знаешь, что я поняла? Там нарушена базовая оптика восприятия. Мужчины смотрят на фотографии, как на витрину с товарами. Ты для них не человек. Ты аватар. У них в голове есть список требований — сиськи, ноги, глаза, — и если ты подходишь под параметры, они нажимают «лайк», даже не читая анкету. А потом начинается это... вот это вот всё. «Привет. Ты супер. Давай встретимся». Они не хотят узнать тебя. Они хотят получить тебя. Как пиццу с доставкой. И если ты не согласна быть пиццей, ты истеричка, меркантильная стерва или просто странная.

Катя, кивая, добавила последний штрих к этой и без того мрачной картине:

— И самое ужасное, что это заразно. Ты сама начинаешь превращаться в того, кого ненавидишь. Ты начинаешь оце-

нивать людей по фотографиям за две секунды. Ты становишься циничной, закрытой, придирчивой. Ты теряешь способность удивляться и очаровываться. Ты перестаёшь верить в то, что хорошие люди вообще существуют, потому что каждый новый диалог — это ещё один гвоздь в крышку твоей веры в человечество. Бездна засасывает, и она меняет тебя. Тыходишь туда нормальным, открытым человеком, а выходишь — либо мизантропом, либо сломленным, либо в отношениях с мудаком просто от отчаяния.

В комнате повисла тишина. Потрескивали свечи, отбрасывая танцующие тени на бархатные подушки. Ева смотрела на лица своих подруг — умные, красивые, успешные, и каждая из них прошла через этот ад и вынесла оттуда свои шрамы. Их слова ложились ей на душу тяжёлым, но странно успокаивающим грузом. Она не была сумасшедшей. Она не была чересчур требовательной. Она просто заглянула в бездну, и бездна посмотрела на неё сорока шестью сообщениями «Привет» и одним предложением стать домашней страницей.

— И что же делать? — спросила она, почти шёпотом.

— А вот это самый сложный вопрос, — Лера грустно улыбнулась и снова наполнила бокалы. — Можно удалиться и ждать принца в реальной жизни, но в реальной жизни мы

работаем по двенадцать часов и видим максимум курьера и коллег. Можно остаться и продолжать искать, вооружившись нашим цинизмом как щитом, и молиться, чтобы среди тонн шлака попался хотя бы один необработанный алмаз. А можно просто выпить ещё вина и посмотреть «Дневник Бриджит Джонс», чтобы вспомнить, что даже в самом безнадежном сценарии есть место чуду. Я голосую за третий вариант. А сайт... Ева, запомни: это просто инструмент. Кривой, ржавый, опасный, но инструмент. Не дай ему сломать себя. Бездна не может навредить тебе, если ты смотришь на неё с безопасного расстояния, пристегнувшись страховкой из здорового похуизма.

Они чокнулись бокалами, и звон стекла прозвучал как торжественный салют над полем боя, на котором они все, каждая в своё время, одержали маленькую, но важную победу. Победу над бездной, которая пыталась убедить их, что они недостойны большего.

Глава 6: Симфония одиночества

После того знаменательного вечера у Леры, когда три бокала вина и четыре часа исповедей привели их к единогласному вердикту о природе сайта знакомств как о бездне, в жизни Евы наступила странная, непривычная тишина. Она не удалила анкету — рука не поднялась нажать на заветную

красную кнопку, словно вместе с профилем она боялась стереть и саму гипотетическую возможность чуда, — но уведомления были безжалостно отключены. Телефон больше не вздрагивал каждые десять минут, оповещая о новом «Привет» от очередного Валеры или Кости. И в этой тишине, поначалу оглушительной, Ева начала слышать что-то, что давно заглушалось шумом чужих, ненужных ей голосов. Она начала слышать себя.

Идея оформилась не сразу. Сначала это было просто тактильное удовольствие от того, что вечер пятницы принадлежит только ей. Она заварила жасминовый чай в любимой фарфоровой чашке, доставшейся от бабушки, взяла с полки томик Набокова, который пылился уже полгода, и погрузилась в чтение с головой. Никто не отвлекал её дурацкими вопросами о том, как у неё дела. Никто не присылал ей фотографии своих бицепсов или, упаси боже, мамуль. Тишина была наполнена только шелестом страниц и мягким светом торшера, и в какой-то момент Ева осознала, что испытывает чувство, которое давно забыла: абсолютный, ничем не замутнённый покой.

Затем была суббота. Та самая суббота, которую она раньше тратила бы на мучительное перелистывание анкет или на свидание с очередным менеджером, который полтора часа рассказывал бы ей о своей ипотеке и о том, что его бывшая

была истеричкой. Вместо этого Ева проснулась в десять, без будильника, долго нежилась в постели, глядя, как солнечный свет пробивается сквозь неплотно задёрнутые шторы и рисует золотые дорожки на паркете. Она приготовила себе изысканный завтрак — яйцо-пашот на тосте с авокадо и лососем, сбрызнутое лимонным соком и присыпанное свежемолотым перцем. Ела она медленно, сидя за кухонным столом с книгой, и не нужно было поддерживать вежливую беседу, смеяться над чужими несмешными шутками или делать заинтересованное лицо, слушая историю про то, как кто-то кому-то «прошил мозги» в автосервисе.

В воскресенье она пошла в кино. Одна. Это был первый раз за долгое время, когда она решилась на такой, казалось бы, простой, но отчаянный шаг. Раньше мысль о том, чтобы пойти в кинотеатр без компании, вызывала у неё смутное чувство стыда, будто она публично признаётся в своём одиночестве. Но теперь, сидя в полупустом зале с ведёрком попкорна, который принадлежал только ей, и не имея подлокотник ни с кем, она вдруг поняла, насколько это освобождающе. Не нужно обсуждать фильм после, если не хочется. Не нужно слышать чьё-то чавканье над ухом. Не нужно подстраиваться под чужие вкусы и выбирать компромиссный боевик вместо арт-хаусной драмы, на которую она на самом деле хотела пойти. Она смотрела на экран, где разворачивалась сложная, красивая история, и чувствовала себя абсолютно,

тотально счастливой в своей самодостаточности.

Это чувство требовало обсуждения, и обсуждение не заставило себя ждать. В понедельник вечером общий чат взорвался сообщениями. Начала, как ни странно, Алиса, которая обычно была самой сдержанной в вопросах личной жизни и предпочитала отшучиваться, когда разговор заходил о мужчинах.

«Девочки, — написала она, и сообщение сопровождалось фотографией её длинных ног, покоящихся на подушке, на фоне какой-то умопомрачительно красивой ванной комнаты с видом на ночной город, — я тут лежу в ванне с бомбочкой, пью шампанское в одного и смотрю старый Годар. И знаете, что я поняла? Мне так хорошо, как мне не было ни с одним мужиком за последние пять лет. Серьёзно. Я пытаюсь вспомнить хоть одни отношения, где я чувствовала бы себя настолько спокойно, умиротворённо и в ладу с собой. И не могу. Каждый раз это были эмоциональные качели, попытки подстроиться, необходимость терпеть чужое присутствие в своём пространстве, бесконечные переговоры и компромиссы, которые в итоге всё равно ни к чему не приводили».

Сообщение вызвало эффект разорвавшейся бомбы. Лера, которая, казалось, ждала именно этого момента, тут же разразилась длиннющей тирадой. Она писала, что после трёх

лет на сайтах знакомств и череды неудачных романов, она в прошлом году приняла осознанное решение — год без отношений. Никаких свиданий, никаких просмотров анкет, никаких попыток с кем-то познакомиться. Просто год жизни для себя. И этот год, по её словам, стал лучшим в её жизни. Она похудела на семь килограммов, записалась на керамику, съездила в одиночное путешествие в Португалию, сделала ремонт в спальне и написала половину своего будущего комикса. «И знаете что? — писала она с азартом, который чувствовался даже через экран, — все эти достижения случились не вопреки отсутствию мужчины, а благодаря ему. У меня просто освободилось время. Дикое количество времени и энергии, которые раньше уходили на этих придурков, на переписки, на свидания, на разборки, на то, чтобы плакать в подушку из-за очередного мудака. Теперь это время моё. Только моё. И я трачу его на себя, и это самый выгодный инвестиционный портфель в моей жизни».

Катя добавила свою лепту — более приземлённую, но не менее убедительную. Она рассказала, что последние отношения закончились два года назад, и после пары месяцев страданий она вдруг осознала, что ей нравится быть одной. Ей нравится есть что хочется, когда хочется, а не готовить борщи, потому что «её мужчина» не ест ничего другого. Ей нравится спать поперёк всей кровати, раскинув руки и ноги, а не уютиться на краешке, потому что кто-то храпит и отвоёвыва-

ет одеяло. Ей нравится тратить свою зарплату на себя, на спа, на книги, на дурацкие безделушки, которые радуют глаз, а не на подарки кому-то, кто воспринимает это как должное. «Я не говорю, что я поставила крест на отношениях, — подытожила она, — но я больше не считаю их обязательным пунктом в списке "успешная женщина". Я успешна сама по себе. Моя ценность не измеряется наличием рядом мужчины. И это самое прекрасное осознание в моей жизни».

Ева читала этот поток откровений и чувствовала, как внутри неё растёт и крепнет какое-то новое, удивительное чувство — смесь солидарности, освобождения и абсолютной правоты. Они, сами того не планируя, сформулировали философию, которую она интуитивно начала практиковать последние несколько дней. Жизнь в соло — это был не провал, не поражение, не статус «старой девы», которым пугали их с детства мамы и глянцевого журналы. Это была победа. Победа над страхом остаться одной. Победа над общественным давлением, которое твердит, что женщина обязана быть в паре. Победа над собственными комплексами, которые шепчут, что ты недостаточно хороша, раз тебя никто не выбрал. Это был не отказ от любви — это был отказ от суррогата, которым их пытались накормить. Это был осознанный выбор в пользу качества, даже если это качество подразумевает временное, а может, и постоянное одиночество.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.